

ИСТОРИЯ НАРОДОВ РОССИИ И СНГ

ЭТНИЧЕСКИЕ КОНТАКТЫ НАРОДОВ СИБИРИ И КИТАЯ В ДРЕВНЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

Е.Б. Барина

Кафедра всеобщей истории
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10-1, Москва, Россия, 117198

Этнические контакты между народами Восточной Азии и Сибири оказывали влияние на формирование особенностей культур этих регионов с древнейших времен. Привлечение антропологических и лингвистических данных дает возможность определить роль монгольских, китайских, тюркских, тунгусо-маньчжурских и других народов в формировании этнического состава населения; пути проникновения различных расовых компонентов, характер их смешения, дробления и взаимовлияния в разные исторические периоды.

Ключевые слова: Китай, Сибирь, этнокультурные контакты, древнейшее время.

Проблемы этногенеза и этнической истории любого региона и любого народа могут решаться только в процессе согласованного или даже совместного труда ученых различных специальностей. Антропологам принадлежит в этом содружестве не решающая, но заметная роль, особенно в освещении таких проблем, как преемственность населения на той или иной территории, направление (отчасти и время) миграций, характер взаимодействия между соседними этносами, соседними народами. Антропология – наука биологическая, но антропологические типы отдельных популяций формируются на основе тех же самых групп людей, что и народы – этносы (1).

События, связанные с начальной стадией освоения человеком территории Китая и Южной Сибири, а также особенности последующего развития в пределах ранних культур каменного века можно понять лишь при комплексном решении проблемы, т.е. с привлечением данных геологии и палеонтологии, позволяющих воссоздать природное окружение, в котором оказались здесь первые представители гоминид (2).

Использование антропологических материалов в качестве исторических источников для освещения основных проблем этногенеза народов дает возможность разобраться в таких важных и сложных проблемах, как роль монгольских, китайских, тюркских, тунгусо-маньчжурских, тибето-бирманских и других народов в формировании этнического состава населения Восточной Азии и Сибири, пути проникновения различных расовых компонентов – монголоидных... и европеоидных, характер их смешения, дробления и взаимовлияния в разные исторические периоды (3).

Хотя расовые признаки опираются на биологическую характеристику, но, поскольку они существуют в человеческом обществе, конкретная история их сочетаний внутри различных человеческих популяций определяется социально-историческими, а не естественно-географическими факторами (4).

Во многих случаях биологически нейтральные и всегда социально безразличные расовые особенности хотя и изменяются с течением времени, но гораздо медленнее, чем хозяйство, культура, быт и язык. Поэтому, изучая антропологический облик какой-либо конкретной этнической группы, выделяя внутри нее наиболее часто встречающиеся сочетания признаков (расовые типы), можно сделать заключения о давно закончившихся исторических процессах, в свое время вызвавших образование этих типов. Этнос выполняет функции популяции лишь благодаря своей эндогамности, которая зависит от многих факторов, обычно в первую очередь социального (5).

На основе исследования краниологических материалов из регионов Восточной и Центральной Азии можно выделить два основных направления дифференциации монголоидов, две группы азиатских форм, которые хотя и отличаются некоторыми общими особенностями высокой таксономической ценности, но разнятся между собой настолько сильно, что принадлежность к той или иной из них может быть без особого труда определена не только на целых краниологических сериях, но и на отдельных черепках (5).

Внутри монголоидов Восточной Азии и Сибири намечается несколько групп серий, ясно локализованных географически и обособленных морфологически. Н.Н. Чебоксаров (7) предложил северных монголоидов назвать континентальными (они представлены, например, сибирскими народами), а южных и восточных – тихоокеанскими (8).

Различия между обеими ветвями азиатского ствола по некоторым признакам идут по линии приближения континентальных монголоидов к европеоидам, а тихоокеанских монголоидов – к негро-австралоидам. Можно предположить, что в самом формировании континентальных монголоидов участвовали европеоиды, а в формировании тихоокеанских монголоидов – негроавстралоиды (9). Допустимо считать, что эти вариации возникли в поздние исторические периоды в процессе смешения уже сложившихся больших рас.

В пределах Центральной и Восточной Азии к континентальным монголоидам относятся преимущественно народы Монголии и отчасти Северного

Китая, говорящие на алтайских языках, – монголы, тунгусские группы, в значительной степени тюркоязычные тувинцы. Почти все остальные народы этой части ойкумены принадлежат антропологически главным образом к тихоокеанским монголоидам.

Отчетливой границей между ареалами преобладания обеих ветвей азиатского расового ствола служат Хинган и юго-восточный край Монгольского плато. Переходными между континентальными и тихоокеанскими монголоидами являются, по-видимому, некоторые группы восточных тибетцев, дауров, маньчжуров и нанайцев.

В районах соприкосновения тихоокеанских и континентальных монголоидов издавна происходило их смешение, обусловленное взаимодействием китайцев, продвигавшихся на север и запад, с тунгусо-маньчжурскими, монгольскими и тюркскими народами. Среди народов Северо-Западного Китая, особенно в Нинся-Хуэйском и Синьцзян-Уйгурском национальных районах, тихоокеанские и континентальные монголоиды смешиваются не только между собой, но и с различными европеоидными популяциями, известными в разных районах Сибири начиная с неолита и бронзового века. В настоящее время тихоокеанские монголоидные типы, сильно смешанные с различными европеоидными компонентами, преобладают в составе всех групп хуэй Ганьсу и Синьцзяна, тогда как континентальные монголоиды присутствуют в виде примесей у уйгуров, которые в массе характеризуются европеоидными чертами (10).

Особо выделяются промежуточные группы центральноазиатских и сибирских краниологических серий, занимающих по многим расовым признакам переходное положение между монголоидами и европеоидами. Обо всех этих группах можно сказать, что между зоной преобладания европеоидных и монголоидных типов лежит широкая переходная полоса, занимающая, с одной стороны, Северо-Западную Сибирь, отчасти Северо-Восточную Европу (включая север Скандинавии, а также побережья Белого и Баренцева морей), с другой же стороны – Центральную Азию. Это область древнейшего смешения между европеоидами и монголоидами (11).

Однако такое смешение в таежной и предгорно-степной областях происходило не одинаково в разные исторические эпохи. На севере оно началось значительно раньше, чем на юге, очевидно, еще в процессе первоначального заселения территории человеком. На юге же оно достигло своего максимального напряжения в первые века нашей эры и продолжается до нашего времени. Таким образом, в зоне контакта между европеоидами и монголоидами сложились две группы антропологических типов, которые по самой своей истории переходны и не могут быть строго отнесены ни к монголоидам, ни к европеоидам. Северную группу этих переходных типов можно назвать уральской, южную – южносибирской.

Характерные черты центральноазиатского типа свойственны большинству монголов Автономного района Внутренняя Монголия. Центральноази-

атский компонент принимал участие в сложении расового состава некоторых групп китайцев (хань), особенно уроженцев провинций Шаньси и Шэньси, непосредственно примыкающих к Внутренней Монголии.

Другой южносибирский тип, имеющий метисное монголоидно-европеоидное происхождение, широко распространен среди народов Северо-Западного Китая. Ярко выраженными особенностями контактного южносибирского типа обладают также многие популяции уйгуров Синьцзяна, в формировании которых большую роль играло смешение континентальных монголоидов с южными европеоидами, близкими к памиро-ферганцам и индоафганцам. К ним относятся различные европеоидные популяции, принимавшие участие в истории формирования расового состава населения Северного Китая (преимущественно в северо-западных его районах). В процессе их смешения с тихоокеанскими монголоидами сложился «европеизированный» ганьсуйский вариант.

Одной из наиболее изученных в антропологическом отношении областей Восточной Азии является Северный Китай. Краниологические материалы о некитайских народах Северного Китая обладают всеми характерными признаками континентальных (северных) монголоидов и очень напоминают группу черепов монголоидных народов МНР и России – монголов-халха из района Улан-Батора, бурят и калмыков.

Исследователи-антропологи обращают внимание, что в антропологическом типе северных китайцев в некоторых районах этого региона (Шаньси) наблюдаются значительные отклонения от среднестатистических параметров облика северокайского типа монголоидов. Для решения этого вопроса антропологические характеристики северных китайцев были сопоставлены с кемчикскими тувинцами – представителями центральноазиатского расового типа.

Такое сопоставление вполне оправдано историко-географическими соображениями, так как центральноазиатский (монгольский) тип широко распространен среди тех народностей, с которыми северные китайцы с древних времен находились в тесном взаимодействии и территориальном соседстве. В итоге сравнения выяснилось, что почти по всем решающим расодиагностическим признакам шаньсийцы занимают промежуточное положение между среднестатистическим типом северных китайцев и кемчикскими тувинцами. Антропологи допускают, что за пределами Шаньси центральноазиатские элементы среди северных китайцев хотя бы в небольшом количестве распространены во всех провинциях, примыкающих к Внутренней Монголии, т.е. в Хэбэе, Шаньси, Шэньси и Ганьсу. Расовые варианты, по многим признакам напоминающие центральноазиатский тип, широко распространены на всех северных рубежах Китая – у монгольских, тюркских и тунгусских народов Сибири (12).

Таким образом, северные китайцы – расово неоднородная популяция, ядро которой составляет своеобразный северокайский тип, сосредоточен-

ный преимущественно в бассейне Хуанхэ и на западных берегах Желтого моря. Все остальные антропологические компоненты северных китайцев играют меньшую роль в их этно-расовой истории, так как очаги преимущественной концентрации этих компонентов расположены вне собственно Китая. Однако наличие их среди современного северокитайского населения указывает на его древние и тесные расо- и этногенетические связи с народами соседних стран. Центральноазиатский расовый тип связывает северных китайцев с монголами и с народами Сибири; европеоидные элементы на северо-западе – с иранцами и тюрками Центральной Азии (13).

Что касается расово-антропологической характеристики других этносов Восточной Азии и Сибири, являющихся малыми народами, целесообразно начать такую характеристику с тех этнических общностей, которые соседствуют и взаимодействуют с северными китайцами. Из этих народов только один – дунгане (хуэй) – пользуется языком той же семьи и группы, что и китайцы; все остальные – некитайские этносы Северного Китая, расселенные на обширной территории – от Синьцзяна на западе до Маньчжурии на востоке, – говорят на иранских или алтайских языках – тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских.

Население Синьцзян-Уйгурского автономного района представлено этнически разными народами. Монголоидные признаки в Синьцзяне с максимальной отчетливостью выражены у китайских переселенцев из Ганьсу. Северокитайские инфильтрации также присутствуют у тюркоязычных (уйгурских) обитателей районов Лобнора и Чарклыка. В состав населения Северного Синьцзяна входят различные европеоидные и монголоидные компоненты. Среди них основную роль играет памиро-ферганский тип, наиболее широко распространенный (в пределах Джунгарии) у кашгарцев, городских уйгуров и турфанских калмыков, но встречающийся и у других популяций той же территории. Переходные монголоидно-европеоидные формы в Джунгарии представлены, прежде всего, южносибирским (туркоидным) типом. Не исключена возможность его присутствия и среди монгольских народностей Синьцзяна, в частности среди торгоутов. Наиболее западное положение торгоутов среди монгольских этнических общностей (кроме калмыков) также хорошо согласуется с гипотезой о наличии здесь южносибирских компонентов, характерных для многих тюркских народов Юго-Западной Сибири (14).

В целом Синьцзян представляет собой типичную контактную зону, в которой смешиваются и взаимодействуют между собой разнообразные группы популяций – монголоидные и европеоидные.

Расовый состав населения Автономного района Внутренняя Монголия изучен далеко недостаточно (15). В расовой классификации В.П. Алексеева большинство монголоязычных этнических общностей включено в центральноазнатскую группу популяций сибирской локальной расы (16). Исследователи антропологи установили, что население, преобладающее в западных и

центральных районах Внутренней Монголии, соответствуют центральноазиатскому и южносибирскому типам.

Смещение между континентальными и тихоокеанскими монголоидами происходит не только в китайской, но и в монгольской этнической среде, особенно на ее южной и восточной периферии. В то же время на западных рубежах расселения монголоязычных народов, где издавна происходило их взаимодействие с различными тюркскими этносами (например, у упомянутых выше торгоутов Тарбагатай и у сарт-калмыков Киргизии, этнически близких к торгоутам), вероятно присутствие гиперморфного южносибирского типа, который, по мнению многих антропологов, сформировался в зоне древних контактов между европеоидами и континентальными монголоидами (17).

Таким образом, на территории, простирающейся от Желтого моря до Тянь-Шаня и от Амура и пустыни Гоби до Циньлина и Тибета, в настоящее время взаимодействуют этнически и антропологически разнородные популяции, которые принадлежат к трем большим группам рас: тихоокеанским монголоидам, континентальным монголоидам и южным европеоидам. Все эти группы связаны друг с другом промежуточными формами, среди которых могут быть как типы, свидетельствующие о генетическом родстве разных рас, так и типы, сложившиеся в процессе их метисации.

Все крупные народы Северных районов Восточной и Центральной Азии, а тем более этнолингвистические общности оказываются в расовом отношении неоднородными. Китайцы (хань) при преобладании восточно-монголоидных компонентов обнаруживают на северных рубежах своего ареала смешение с центральноазиатскими популяциями, а на западных границах – с различными формами южных европеоидов. Монголоязычные народы Северного Китая принадлежат большей частью к континентальным монголоидам центральноазиатской группы, но на востоке включают восточно-монголоидные элементы, а на западе – метисные формы южносибирского типа. Тюркоязычные этносы рассматриваемой территории в расовом отношении еще более смешаны. Казахи и частично киргизы относятся к южносибирской расе; уйгуры же наряду с южносибирскими компонентами включают и европеоидные (памиро-ферганские) типы, которые во многих уйгурских популяциях даже преобладают.

Длительный период от конца палеолита и мезолита до развитого неолита в Китае и на территории Сибири почти не представлен антропологическими материалами. Только к концу неолита картина начинает меняться. В V–III тыс. до н.э. на территории Китая сложился ряд неолитических культур. Носители неолитических культур Северной части Восточной Азии и Сибири не были вполне однородными в расовом отношении, и данные говорят о том, что в это время идет активное межэтническое общение. Сравнение серий черепов из бассейна Вэйхэ с локализованными к северо-западу от них (в Ганьсу) несколько более поздними группами позволяет поставить во-

прос о проникновении на северо-запад Китая европеоидных расовых компонентов, которые в III тыс. до н.э. были широко распространены в Центральной Азии. В эпоху неолита на территории современного Китая и соседних с ним стран сложилось несколько ясно выраженных очагов расообразования и этногенеза. В бассейне Хуанхэ жили популяции, принадлежавшие к восточноазиатской расе тихоокеанских монголоидов и говорившие, вероятно, на древнейших языках китайско-тибетской семьи. Население в пределах современной провинции Ганьсу сохраняло протоморфные «американондные» черты, обнаруживая связи с континентальными монголоидами Центральной Азии и Юго-Восточной Сибири, которые говорили, вероятно, на палеоазиатских языках.

Заселение степной зоны Южной Сибири населением современного антропологического вида наиболее активно началось с конца бронзового века и особенно активно продолжалось в железном веке, в скифское время (18).

В Южной Сибири в бронзовом и раннежелезном веках III–I тыс. до н.э. большинство населения принадлежало к различным группам европеоидной расы. К европеоидному расовому типу принадлежит население афанасьевской, андроновской и тагарской культур (19). Однако расовая принадлежность населения карасукской культуры II–I тыс. до н.э. до сих пор является предметом научных дискуссий (20).

Г.Ф. Дебецем была высказана мысль о широком распространении среди карасукцев дальневосточных узколиких монголоидов, близких к антропологическим типам древних северных китайцев. Хотя в более поздних работах он уточнял, что носители монголоидных признаков с юго-востока могут составлять лишь небольшое количество переселенцев. Смешиваясь в местной среде, они могли дать разрозненные черты или же комбинации признаков, сближавшие их с афанасьевскими и андроновскими антропологическими признаками.

С.В. Киселев поддержал построения Г.Ф. Дебеца. Он дал полную и содержательную аргументацию по проблеме аналогий между памятниками карасука и синхронными памятниками иньского Китая. Однако, на основе данных исследований краниологической карасукской серии, В.П. Алексеев доказал, что вывод о наличии монголоидных черт у карасукцев несостоятелен, поскольку черепа этой серии имеют выраженные европеоидные черты. В конечном счете он делает вывод, что «наличие демонстративных археологических параллелей археологическим памятникам в одновременных памятниках Северного Китая и Монголии должно рассматриваться в свете палеоантропологических данных как результат культурного взаимодействия, а не миграции населения юго-востока в Минусинскую котловину» (21).

В современных работах по этнической антропологии все больше внимания уделяется другой группе разграничительных расовых признаков – особенностям с дискретным характером изменчивости. Для объективности научных выводов важно, чтобы любая изучаемая группа популяций, рассе-

ленная на определенной территории, была охарактеризована по наибольшему количеству морфологических и физиологических признаков с четко выраженной межгрупповой ареальной изменчивостью. Среди разграничительных признаков должны быть как особенности с непрерывной (трансгрессивной) вариабельностью, так и признаки, изменчивость которых имеет прерывистый (дискретный) характер.

Среди одонтологических дискретных признаков с ясно выраженными групповыми ареальными вариациями наилучше изучена лопатообразная форма резцов. У народов соседних с Китаем стран Восточной, Центральной и Северной Азии лопатообразная форма резцов встречается почти столь же часто, как и в китайских популяциях. Максимальная концентрация этой особенности (90%) отмечена у монголов и якутов (60–90%). Очень высока доля лопатообразной формы резцов во всех эскимосских, алеутских и индейских популяциях (80–100%). Таким образом несомненно, что для всех без исключения популяций восточных, северных, северо-восточных (арктических) и американских монголоидов характерна высокая концентрация лопатообразной формы резцов, не встречающаяся больше нигде на нашей планете за пределами основного ареала расселения различных вариантов монголоидных рас (22).

Кроме лопатообразной формы резцов А.А. Зубов, опираясь на собственные материалы и данные специальной литературы, проследил этногеографические групповые вариации других одонтологических признаков (23). Наибольшее одонтологическое сходство народы Китая обнаруживают с монголоидными популяциями Центральной, Северной и Северо-Восточной Азии (24).

В настоящее время в этнической антропологии все большее значение приобретают данные дерматоглифики. Для сравнения различных популяций по основному типу узоров на подушечках пальцев рук обычно вычисляется так называемый дельтовый индекс, т.е. среднее количество дельт на одного обследованного субъекта в каждой группе. Чем выше этот индекс, тем сложнее дерматоглифический рисунок, более высокие дельтовые указатели отражают большую частоту петлевых и особенно круговых узоров в сопоставляемых популяциях. О наличии в Восточной Азии и Сибири обширного ареала высокой концентрации круговых узоров на подушечках пальцев и соответственно больших средних величин дельтового индекса говорят дерматоглифические материалы Г.Л. Хить по монголам МНР (25), М.В. Волоцкого (26) и Т.Д. Гладковой (27) по бурятам, Т.Д. Гладковой и Г.Л. Хить по якутам (28), Т.Д. Гладковой и М.Г. Левина по чукчам (29). У континентальных монголоидов Северной Азии концентрация круговых узоров выше, чем у монголоидов тихоокеанских (восточных и южных).

Для этнической антропологии Восточной Азии и Сибири важную информацию может предоставить исследование групп популяционных маркеров: групп крови, генов, антигенов, белков, ферментов и т.д. Просмотр неко-

торых специальных работ показывает, что к северным китайцам по частоте генов системы АВО близки корейцы (30), монголы МНР (31), народы Дальнего Востока России – нанайцы, ульчи, нивхи (32), буряты, якуты, долганы, некоторые популяции алтайцев, хакасов и других народов Южной и Западной Сибири (33). Для всех этих популяций характерен особый внутрисибирский серологический тип с преобладанием формулы $r > q > p$, высокой частоты гена q (до 0,3) и с большой долей группы О по сравнению с А (34). Этот тип можно назвать также центральноазиатским, поскольку Южная Сибирь и Монголия историко-географически относятся к Центральной Азии; он оказывается очень сходным с восточноазиатским типом северных китайцев и корейцев (35).

Аналогичные процессы постепенного выклинивания гена q , а вслед за ним и p (при сохранении «локальных пиков» его концентрации) и вместе с тем возрастание частоты рецессивного гена r наблюдаются также в Сибири, к востоку от Енисея, где выделяется арктический серологический тип с частотой r , достигающей местами до 0,9 (36). Процессы эти стимулировались миграциями с последующей изоляцией и вызванным ею дрейфом генов. Закономерности пространственного распределения групп крови, установленные Я.Я. Рогинским, подтверждаются серологическими материалами (37).

Вероятно, что в конце каменного века, когда происходило расселение людей из восточной половины Азиатского материка, «исходные» восточноазиатские популяции имели совсем иное распределение групп крови системы АВО, чем их современные потомки. Это распределение было сравнительно близко к генным концентрациям, наблюдаемым в настоящее время в популяциях Северо-Восточной Сибири, где роль эпидемий оспы и других инфекционных болезней до начала европейской колонизации была, вероятно, небольшой. Восточноазиатский и центральноазиатский типы распределения групп крови АВО начали складываться гораздо позднее, скорее всего в период неолита, когда в связи с развитием земледелия и скотоводства стала увеличиваться численность и подвижность населения, что в условиях низкого санитарно-гигиенического уровня тех времен должно было вызвать распространение эпидемий. Процессы эти протекали, вероятно, одинаково во всех многолюдных популяциях Восточной Азии и Сибири независимо от их принадлежности к монголоидным, австралоидным или европеоидным расам (38).

Группы крови системы MN изучены у китайцев гораздо хуже, чем системы АВО. По распределению фенотипов и генотипов системы MN с китайцами сходны их северные соседи – народы Центральной Азии и Сибири (монголы МНР, буряты, тофалары, тоджинцы и тувинцы Восточных Саян) (39). Таким образом, континентальные (северные) монголоиды Южной Сибири по параметрам системы MN должны быть отнесены к тому же серологическому типу, что и популяции Восточной и Юго-Восточной Азии, входящие в состав тихоокеанских (восточных и южных) монголоидов (40).

Исследования, проведенные антропологами по изучению групп крови «резус» (41), имеющая большое значение для этнической антропологии Центральной и Восточной Азии, выявили, что между народами Китая, принадлежащими к тихоокеанским монголоидам, и их северными континентально-монголоидными соседями проходят не только расово-морфологическая, но и серологическая граница (по системе резус), так как средняя частота многих факторов этой системы (D, c, e) в Сибири (к востоку от Обь-Енисейского водораздела) промежуточна между частотами соответствующих факторов в Восточной Азии (42).

Таким образом, по всем перечисленным особенностям северные китайцы обнаруживают большое сходство по некоторым маркерам с континентально-монголоидными популяциями Сибири.

Поскольку язык является одним из самых стабильных элементов культуры, то сравнительно-историческое и типологическое изучение современных и древних языков, сохранившихся в письменных памятниках, позволяет реконструировать не только исторические состояния языков, но также и лингвистические ситуации отдельных ареалов в различные исторические периоды. Ареальные связи между языками возникают при длительных контактах народов, говорящих на этих языках в едином ареале. В результате таких контактов во взаимодействующих языках появляются заимствованные элементы. Чаще всего они представляют собой слова, заимствуемые одновременно с предметами и понятиями культуры (43).

Об этноязыковой принадлежности позднелолитических охотников, собирателей и рыболовов территории современного Китая и Сибири мы не имеем никаких прямых сведений, хотя к этому периоду некоторые исследователи относят формирование первоначальных этнических общностей, соответствующих предплеменам в понимании В.Ф. Генинга (44). Возможно, что в мезолите свыше 10 тыс. лет тому назад возникла борейская, или ностратическая, «надсемья» языков, которые в эпоху отступления последнего оледенения в процессе переселения древних этносов из Передней и Южной Азии в Европу, Северную Африку и Сибирь распространились на огромных пространствах Афроевразии от Атлантического до Тихого океана (45).

Ностратические языки складываются в Передней Азии на европеоидной основе, а затем в результате контактов монголоидных популяций Центральной Азии и Сибири с европеоидными группами, продвигаются на восток. В Восточной и Центральной Азии к ностратическим языкам относятся тюркские, монгольские, тунгусо-маньчжурские и корейский. Почти все народы, говорящие на этих языках (кроме маньчжуров и корейцев), принадлежат к континентальным монголоидам.

Северная часть Восточной Азии делится на два лингвистических ареала. Северо-восточную приполярную часть Евразийского материка населяют народы, говорящие на палеоазиатских языках чукотско-камчатской, эскимосско-алеутской и юкагирско-чуманской групп, не состоящих в родстве

между собой. В нижнем течении Енисея живут кеты, говорящие на кетском языке, входящем в реконструируемую в настоящее время енисейскую семью языков. Совпадения грамматических форм и отдельных слов свидетельствуют в пользу гипотезы относительно древнейших контактов енисейских и сино-тибетских языков. Относительно ареала первоначального распространения народов, говорящих на енисейских языках, наиболее вероятным ареалом была обширная область между верховьями Иртыша и Енисея (46).

В других палеоазиатских языках Восточной Азии следы контактов с сино-тибетскими языками отсутствуют, поэтому вероятно, что древнейшие сино-тибетские языки в период своих гипотетических контактов с протоенисейскими народами находились на западной границе Восточной Азии (47).

В настоящее время нельзя трудно достоверно указать область контактов сино-тибетских и енисейских языков, однако имеются основания предполагать, что древнейшие сино-тибетские языки были распространены среди народов, обитавших в ареале современного Северо-Западного Китая и областей, непосредственно прилегающих к нему с юга и севера (48).

Таким образом, формированию этнической общности на территории Сибири и Восточной Азии предшествовали сложные и длительные процессы антроло-, расо- и глоттогенеза. Можно предполагать, что сапиентация, начавшаяся в самом конце этого периода в Восточном Средиземноморье, постепенно охватывала новые регионы по мере расселения подвижных популяций неантропов и их метисации с палеоантропами, которые вовлекались в процесс формирования людей современного вида и их распространения в разных направлениях, в частности из Передней через Центральную Азию на восток. В VII–VI вв. до н.э. на Среднекитайской равнине завершается длительный процесс складывания этнической общности, которая может быть названа «древнекитайской». Формирование этой общности происходило в процессе интенсивных контактов с соседними племенами, говорившими на сино-тибетских, прото-алтайских, австроазиатских и австронезийских языках.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Чебоксарова И.А., Чебоксаров Н.Н. Формирование антропологического состава населения Китая // Этническая история народов Восточной и Юго-Восточной Азии в древности и средние века. – М., 1981. – Вып. 2. – С. 16. *Dennell R.* Hominid Dispersals and Asian Biogeography during the Lower and Early Middle Pleistocene // *Asian Perspectives*. – 2004. – Vol. 43. – № 2. – P. 206–226.
- (2) *Barbour G.B.* Pleistocene History of the Huangho [China] // *Society of America Bulletin*. – 1933. – Dec. 1. – Vol. 44. – № 6. – P. 1143–1160; *Movius H.L.* Early Man and pleistocene Stratigraphy in Southern and Eastern Asia // *Papers of the Peabody Museum of American Archaeology and Ethnology of Harvard University*. – 1944. – Vol. 19. – № 3; *Wen-Chung Pei.* The Recent Progress of a Quaternary Study in China // *Quartur*. – 1939. – Vol. 2. – P. 120–132; *Wen-Chung Pei.* The Zoographical Divisions of Quaternary Mammalian Fauna in China // *Vertebrata palasiatica*. – 1957. – Vol. 1. – № 1. – P. 9–24; *Teilhard de Chardin P.* Early Man in China. – Peking, 1941; *Terra H. de* Pleistocene Formations and Stone Age Man in China // *Institut de Geo-Biologie Publication*. – Peking,

1941. – № 6. – P. 1–54; *Gao Xing*. New Light on the Earliest Hominid Occupation in East Asia // *Current Anthropology*. – 2005. – Vol. 45. – P. 115–120.
- (3) *Sagart L.* Chinese and Austronesian: Evidence for a Genetic Relationship // *Journal of Chinese Linguistics*. – 1993. – Vol. 21. – № 1. – P. 1–63; *Sagart L.* Chinese, Austronesian, Indo-European // *International Review of Chinese Linguistics*. – 1996. – Vol. 1. – № 1. – P. 41–44; *Sagart L.* Proto-Austronesian and Old Chinese Evidence for Sino-Austronesian // *Oceanic Linguistics*. – 1994. – Vol. 33. – № 2. – P. 271–308; *Sagart L.* Questions of Method in Chinese-Tibeto-Burman Comparison // *Cahiers de linguistique: Asie orientale*. – 1995. – Vol. 24. – № 2. – P. 245–255; *Sagart L.* Reply to Ting's Review of The Roots of Old Chinese // *Journal of Chinese Linguistics*. – 2002. – Vol. 30. – № 2. – P. 392–403; *Sagart L.* The Chinese Names of the Four Directions // *Journal of the American Oriental Society*. – 2004. – Vol. 24. – № 1. – P. 69–76; *Sagart L.* The Roots of Old Chinese. *Amsterdam Studies in Theory and History of Linguistic Science*. Ser. 4. *Current Issues in Linguistic Theory*. – Amsterdam, 1999.
- (4) *Чебоксаров Н.Н.* Этническая антропология Китая. – М., 1982. – С. 3; *Keates S.G.* Home Range Size in Middle Pleistocene China and Human Dispersal Patterns in Eastern and Central Asia // *Asian Perspectives*. – 2004. – Vol. 43. – № 2. – P. 227–247; *Mair V.H.* Prehistoric European and East Asian Flutes // *Studies in Chinese Language and Culture: Festschrift in Honour of Christoph Harbsmeier on the Occasion of His 60th Birthday* / Ed. C. Anderl, H. Eifring. – Oslo, 2006. – P. 209–216.
- (5) *Бромлей Ю.В.* Этнос и эндогамия // *Советская этнография*. – 1969. – № 6. – С. 89; *Бромлей Ю.В.* Этнос и этносоциальный организм // *Вестник академии наук*. – 1970. – № 8. – С. 48–54; *Бромлей Ю.В.* Этнос и этнография. – М., 1973. – С. 114–124; *Bromley Yu.V.* *Soviet Ethnography: Main Trends*. – М., 1976. – P. 24–39.
- (6) *Балуева Т.С., Дерябин В.Е.* Изучение расовой и половой специфики внутригрупповых корреляций размеров лица, используемых при антропологической реконструкции // *Вестник антропологии*. – 1998. – Вып. 5. – С. 59–69.
- (7) *Чебоксаров Н.Н.* Основные принципы антропологических классификаций // *Труды Института этнографии Академии наук СССР*. Нов. сер. – М., 1951. – Т. XVI. – С. 312–319.
- (8) *Чебоксаров Н.Н.* Основные этапы формирования антропологического состава населения Восточной Азии // VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. (Москва, август 1964 г.) – М., 1964 (отд. отт.). – С. 1–3.
- (9) *Чебоксаров Н.Н.* Этническая антропология Китая. – М., 1982. – С. 52–53.
- (10) *Чебоксаров Н.Н.* Дунганская экспедиция // *Краткие сообщения Института этнографии Академии наук СССР*. – М., 1947. – Вып. 3. – С. 24–34; *Чебоксаров Н.Н.* Антропологический состав населения современного Китая в палеолите, мезолите и неолите // *Ранняя история народов Восточной Азии*. – М., 1977. – С. 86–88; *Гинзбург В.В., Дебец Г.Ф., Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н.* Очерки по антропологии Казахстана // *Краткие сообщения Института этнографии Академии наук СССР*. – Вып. 16. – М., 1954. – С. 42–68; *Сушанло М.Я.* Дунгане (историко-этнографический очерк). – Фрунзе, 1971. – С. 16–17; *Joysе T.A.* Notes of the Physical Anthropology of Chinese Turkestan and the Pamirs // *Journal of Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland*. – 1912. – № 62. – С. 470–484.
- (11) *Чебоксаров Н.Н.* Основные принципы антропологических классификаций... – С. 312–319.
- (12) *Левин М.Г.* Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока // *Труды Института этнографии Академии наук СССР*. Новая серия. – М., 1958. – Т. XXXVI. – С. 304; *Золотарева И.М.* О некоторых проблемах этнической антропологии Северной Азии (в связи с работами Г.Ф. Дебеца) // *Советская этнография*. – 1971. – № 1. – С. 36–44.

- (13) Чебоксаров Н.Н. Этническая антропология Китая. – М., 1982. – С. 116–117.
- (14) Чебоксаров Н.Н. Калмыки Западного Улуса // Антропологический журнал. – 1935. – № 1. – С. 58.
- (15) Чебоксаров Н.Н. Основные принципы антропологических классификаций... – С. 317–320; Левин М.Г. Этническая антропология... – С. 49–58.
- (16) Алексеев В.П. Генетические аспекты антропологии // Расы и народы. – М., 1971. – Вып. I. – С. 52–76.
- (17) Чебоксаров Н.Н. Основные принципы антропологических классификаций... – С. 317; Алексеев В.П. Генетические аспекты антропологии... – С. 46.
- (18) Зайцева Г.И., Семенов А.А., Бурова Н.Д., Лебедева Л.М., Дергачев В.А., Дирксен В.Г., Лохов К.И., Капитонов И.Н. Заселение степной зоны северной Евразии в Эпохи бронзового–железного веков (2-е тысячелетие до н. э. – 1-е тысячелетие н.э.): проблемы хронологии, изменения окружающей среды и миграции // Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям / Отв. ред. А.П. Деревянко, А.Б. Куделин, В.А. Тишков. – М., 2010. – С. 83.
- (19) Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР // Труды Института этнографии Академии наук СССР. Новая серия. – М.; Л., 1948. – Т. IV. – С. 61–83; Левин М.Г. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока... – С. 155–177; Алексеев В.П. Происхождение хакасского народа в свете данных антропологии // Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края. – Красноярск, 1963. – С. 135–164.
- (20) Дебец Г.Ф. Расовые типы населения Минусинского края в эпоху родового строя // Антропологический журнал. – 1932. – № 2. – С. 26–48; Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР... – С. 82; Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. – М., 1951. – С. 106–183.
- (21) Алексеев В.П. Происхождение хакасского народа в свете данных антропологии... – С. 159.
- (22) Зубов А.А. Этническая одонтология. – М., 1973. – С. 101–104.
- (23) Зубов А.А. Одонтология. Методика антропологических исследований. – М., 1968. – 200 с.; Зубов А.А. Этническая одонтология...
- (24) Халдеева Н.И. Буряты, хакасы, Дальний Восток // Этническая одонтология СССР. – М., 1979. – С. 187–211.
- (25) Хить Г.Л. Расовая дифференциация населения СССР (соматологический и дерматоглифический аспекты) // Расы и народы. – М., 1975. – Вып. 5. – С. 76.
- (26) Волоцкой М.В. Географическая изменчивость пальцевых узоров // Краткие сообщения о науч. работах НИИ и Музея антропологии МГУ за 1938–1939 гг. – М., 1941. – С. 18–22.
- (27) Гладкова Т.Д. Особенности дерматоглифики некоторых народностей СССР // Советская антропология. – 1957. – № 1. – С. 83–90.
- (28) Гладкова Т.Д., Хить Г.Л. Материалы по дерматоглифике некоторых народов Сибири // Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. – М., 1968. – С. 127–147.
- (29) Гладкова Т.Д., Левин М.Г. Дерматоглифика чукчей // Вопросы антропологии. – 1960. – Вып. 3.
- (30) Lee S.Y. Further Analysis of Korean Blood Types // Yonsei Medical Journal. – Seoul, 1965. – Des. 3. – Vol. 6. – P. 16–25. Lee S.Y. Further Analysis of Korean Blood Types // Hanzaijaku zasshi. («Acta criminalistica et medicina legalis Japonica»). – 1967. – Vol. 33. – № 3.

- (31) Шарав Чимиддуламын. Групповые свойства крови у монголов: Автореф. ... канд. дисс. – М., 1970; Золотарева И.М. О некоторых проблемах этнической антропологии Северной Азии... – С. 36–45.
- (32) Рычков Ю.Г. Некоторые аспекты серологических исследований в антропологии // Вопросы антропологии. – 1965. – Вып. 19. – С. 95–105; Рычков Ю.Г., Перевозчиков И.В., Шереметьева В.А., Волкова Т.В., Башлай А.Г. К популяционной генетике коренного населения Сибири. Восточные Саяны (материалы Сибирской антропологической экспедиции) // Вопросы антропологии. – 1969. – Вып. 31. – С. 3–32.
- (33) Золотарева И.М. Распределение групп крови у народов Северной Сибири // VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. – М., 1964. (Отд. отт.); Рычков Ю.Г., Перевозчиков И.В., Шереметьева В.А., Волкова Т.В., Башлай А.Г. К популяционной генетике...; Золотарева И.М., Башлай А.Г. Серологические исследования в Якутии // Советская этнография. – 1968. – № 1. – С. 46–55; Бунак В.В., Беневоленская Ю.Д., Давыдова Т.Д., Жомова В.К. Корреляция частот наследственных факторов крови в популяциях Сибири // Тезисы докладов XIII Международного конгресса по переливанию крови. – М., 1969; Алексеев В.П., Беневоленская Ю.Д., Гохман И.И. Давыдова Г.М., Жомова В.К. Антропологические исследования на Лене // Советская этнография. – 1968. – № 5. – С. 40–52.
- (34) Золотарева И.М. О некоторых проблемах этнической антропологии...
- (35) Чебоксарова И.А., Чебоксаров Н.Н. Формирование антропологического состава населения Китая... – С. 179.
- (36) Золотарева И.М. О некоторых проблемах этнической антропологии... – С. 40.
- (37) Рогинский Я.Я. Закономерности пространственного распределения групп крови у человека (к проблеме антропологии «окраинных народов») // Труды Института этнографии Академии наук СССР. Новая серия. – М.; Л., 1947. – Т. 1. – С. 216–234.
- (38) Чебоксарова И.А., Чебоксаров Н.Н. Формирование антропологического состава населения Китая... – С. 179–180.
- (39) Шарав Чимиддуламын. Групповые свойства крови у монголов... – С. 4; Рычков Ю.Г., Перевозчиков И.В., Шереметьева В.А., Волкова Т.В., Башлай А.Г. К популяционной генетике...
- (40) Чебоксарова И.А., Чебоксаров Н.Н. Формирование антропологического состава населения Китая... – С. 181.
- (41) По гипотезе Фишера, эта система обусловлена тремя сцепленными аллельными парами, состоящими из доминантных генов D, C, E и рецессивов d, c, e; эти гены в различных комбинациях друг с другом, а также с более редкими аллелями той же системы образуют 8 основных сочетаний, называемых иногда «хромосомами». Четыре хромосомы относятся к резус-положительным реакциям (Rh+), а четыре – к резус-отрицательным (Rh–). Таким образом, главными факторами, определяющими резус-положительность или резус-отрицательность, являются аллели Dd. См.: Барникова Е. Биологическая изменчивость в современных популяциях // Харрисон Дж., Уайнер Дж., Таннер Дж., Барникова Е. Биология человека. – М., 1968. – С. 223–224.
- (42) Рычков Ю.Г. Некоторые аспекты серологических исследований... – С. 99.
- (43) Крюков М.В., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н. Древние китайцы: проблемы этногенеза. – М., 1978. – С. 60.
- (44) Генинг В.Ф. Этнический процесс в первобытности. – Свердловск, 1970.
- (45) Иллич-Свитыч В.М. Опыт сравнения ностратических языков. Сравнительный словарь: В 3 т. / Под ред. В.А. Дыбо. – М., 1971. – Т. 1; 1976. – Т. 2; 1984. – Т. 3.; Иллич-Свитыч В.М. Опыт сравнения ностратических языков. Сравнительный словарь. – М., 2003.

- (46) Дульзон А.П. Гунны и кеты (к вопросу об этногенезе по языковым данным) // Известия сибирского отделения АН СССР. (Известия СОАН). Серия общественных наук. – Новосибирск, 1968. – Вып. 3. – № 11. – С. 137–142; Дульзон А.П. О древней центральноазиатской языковой общности // Вопросы русского языка и его говоров. – Томск, 1968. – Т. 197. – С. 177–191.
- (47) Fahey B. *Mayan: A Sino-Tibetan Language? A Comparative Study* // *Sino-Platonic Papers*. – 2002. – Vol. 130.
- (48) Крюков М.В., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н. Древние китайцы: проблемы этногенеза... – С. 61–62.

ETHNIC CONTACTS PEOPLE OF SIBERIA AND CHINA IN ANCIENT TIMES

E.B. Barinova

Department of World History
Peoples Friendship University of Russia
Miklukho-Maklay Str., 10-1, Moscow, Russia, 117198

Ethnic contacts between the peoples of China and Siberia had an impact on the formation of cultural characteristics of these regions since ancient times. Involvement of anthropological and linguistic data allows us to determine the role of Mongolian, Chinese, Turkic, Tungusic, and other peoples in the formation of the ethnic composition of the population, the penetration of various racial components, the nature of mixing, grinding and interaction in different historical periods.

Key words: China, Siberia, the ethno-cultural contacts, the ancient time.